

Игорь Григорьев.

ИГОРЬ
ГРИГОРЬЕВ

СЕРДЦЕ
И МЕЧ

стихи

ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА
ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА
1965

P2
Г83

*Верному солдату и
доброму сыну Отечества
Василию Ильичу Захаро-
ву с неизменной любовью
посвящаю эту книгу*

РАСПАХНУТОЕ СЕРДЦЕ

Этого видавшего виды человека я застал в клинике нейрохирургии Военно-медицинской академии. Он только что перенес тяжелую, мучительную операцию на позвоночнике. Было ему худо — дальше некуда. А он подтрунивал над собой, будто в чем-то виноватый, и смеялся до дна вымытыми болью синими глазами... В такой большой беде я видел его уже дважды: в мае 1960 года, вскоре после опасной операции, и вот сейчас, весной 1964 года. Он и тогда был, как сегодня: грустящий не о себе — о других — и неуемный.

Глядел я на него и думал: да, сердце истинного поэта всегда открыто людям. Не потому ли его так легко ранить? Но, даже и глубоко задетое, оно предельно отзывчиво каждому человечьему вздоху, самой малой улыбке ребенка, тишающему теньканью синицы у окна больничной палаты, любой настоящей песне.

Таково сердце Игоря Григорьева.

Сурово, а зачастую и жестоко обходилась, да и обходится судьба с поэтом. Нелегкое детство в глухой псковской деревушке Ситовичи, заработка куска хлеба с малых лет, война, ужасы оккупации, сожженная, залитая кровью, полоненная, но не покорившаяся Плюсса — поселок на Псковщине, где поэт родился и учился любить Родину, где он окончил десятилетку. Дорога в большую жизнь и поэзию у Игоря Григорьева начи-

няется в малой, ничем не примечательной Плюссе. Теперь перед поэтом распахнут широкий путь. Но разве можно забыть, каким он был вначале, в годы лихолетья, так ярко воспетые, до сих пор памятные:

И мне мерещатся доньине
Ребенок, втотанный в песок,
Забитый трупами лесок,
Лохматый пес, застрявший в тыне...

Полчища чужеземцев на древней русской земле, борьба юноши не за страх, а за совесть с захватчиками, казнь подруги и помощницы, товарища по оружию Любы Смуровой осенью 1943 года, гибель пятнадцатилетнего брата партизана. «Немая работа разведки», схватки, бои и сражения, походы, ранения... А потом госпитали, скитания по России, работа, учеба, опять госпитали. И везде, всегда самое главное в его жизни — поэзия.

Стихи он пишет давно, с 1940 года, а напечататься разрешил себе впервые только в 1956 году.

Да, его никогда не баловала жизнь. Ничего не доставалось ему даром, за все платил он дорогой ценой. Но такие люди, как Игорь Григорьев, не нуждаются в тихоньком благополучии, в легком успехе, в дармовом счастье. Тяжелый труд, большая борьба, полная отдача всех своих сил делу — вот в чем радость.

Основной мотив творчества поэта — противоборство сил добра и зла. Любовь и ненависть, верность и измена, радость и боль, счастье и горе — все нашло свое отражение в его проникновенной лирике.

Привязанность к земле и любовь к русской деревне стало не только пристрастием, но и богатством писателя, придало особый колорит его поэзии. Далеко не каждый современный поэт умеет, например, «в почках промороженных на вкус определить, какое будет

лето», «видеть звук и слышать цвет», рассудить о том, что будет, что было, что есть».

Живое слово для своих задушевных стихов поэт берет из самой стихии народного языка. Читатель сам увидит это, когда прочтет сборники его стихов. О книгах лирики Игоря Григорьева, ранее вышедших, о его стихах писали много, писали немало дельного и доброго, о них горячо спорили.

Стихи Игоря Григорьева — это он сам. Вся его нелегкая жизнь вложена в его творчество без прикрас, без обиняков, без ссылок на лирического героя. И почти каждая его строчка заряжена, как боевой патрон, взрывчаткой, начинена горячим чувством и животрепещущей мыслью, нацелена в будущее, расчищает ему тернистую дорогу. За это поэзию Игоря Григорьева принимают близко к сердцу люди, любящие Родину, болеющие за судьбу земли. Им по душе и темы его, и образы, и манера письма. Им нужны его отзывчивые, полные доброй веры в жизнь и в человека стихи.

«Вот увидите, вы опять обязательно подниметесь. И мы снова будем отвечать на свои наболевшие немые вопросы вашими стихами», — пишет агроном из Псковской области поэту в госпиталь. А сколько таких писем! Что может быть выше этих признаний?!

С возвышенной мечтой обращается поэт к матери Родине:

Я не проездом здесь. Не на день.

Такое дело —

Мне за короткий век мой сладить

Во что бы ни стало надо

Песнь,

Чтоб ты, чтоб ты ее запела,

Сказав:

— Да! Он на свете есть!

Да, он на свете есть — поэт Игорь Григорьев. Родина слышит его и, может статься, будет повторять. Пусть звонче и чаще раздается биение его неуемного распахнутого сердца.

Владислав ШОШИН

ОТБОЯ НЕ БУДЕТ СЕГОДНЯ

ЖАЖДА

Да уж въявь ли все? Не приснилось ли?
Может, примерещилось?
Задарила своими милостями,
Огнецветами древ трепещущими.

Протянула руки старанные,
Нацедила живого холода,
Расстелила брусничники самобранные:
Не знай ни жажды, ни голода.

Эта притуманенность щемящая,
За душу ласковостью хватающая,
Эта распахнутость, по-детски стенящая,
Как девятый вал налетающая,

Как глубища пятисаженная,
Кипящая, непроглядная,
Как любовь моя несожженная,
Неусыпная радость безотрадная.

Забедуешь! А ельник с веселинкой
 урюмчивой
Приголубливает: слюбится, привыкнется.
И так отзывчиво в чаще задумчивой:
Чтоб аукнешь, то и отклиknется!

Увяданье дышит песней стоустою,
Светит неостудимой проталинкой...
Пить бы взахлеб, без устали
Губы твои с рыдалинкой.

Вымерить гати заиленные
И холмы крутосклонные,
Выйходить стежки с развиликами да
извилинами,
Вышагать трассы бетонные.

Все бы обнять до малости:
И полыни твои, и солнышко.
Все бы отдать без жалости,
Высеять до последнего зернышка!

19—21 августа 1953,
Псковщина

ОТВАЛЬНАЯ ОДА

Василию Цехановичу

Друже! Ждет тебя дорога
В чужедальние края.
Ты молчишь тепло и строго,
Ясной грусти не тая.

На судьбину не пеняя,
Понимаешь в свой черед:
Хоть лежит и у Дуная,
А чужбина — горький мед.

Горько ль, нет — солдатам русским
Наказала крепко мать:
— Бедовали в пепле прусском!
А к друзьям не привыкать!

Бедовали — не пропали,
А дружить — с чего тужить?
Так. Но все ж не тряли-вали
Жизнь беречь! Иди служить.

Уж такое время сталось,
Никуда его не деть:
Ничего-то в нем не малость —
В оба надобно глядеть!

Воин, в битвах убеленный,
Мой сынок и командир,
На-ка хрупкий, воспаленный,
Кровью выпоенный мир.

В путь счастливый, свет Василий!
Рад не рад, а надо, брат...
И за межами России
Можно жить, как говорят...

Ты на крут большак взираешь,
Трезвый в страсти, прям и смел.
Кто подъем трубит — смекаешь?
Что в руках — уразумел?

6 октября 1962,
Ленинград

* * *

Отъярилось гулкогрозье,
Растеклось по мелколесью.
Скоро смокшие колосья
Долгую затянут песню.

День плечами молодыми
Пошевéлит, отряхнется,
В разливанной синь-медины
Заворачается солнце.

Закачается землица,
Заметет пыльцою вейник,
Защекочет, разгорится
Развеселый соловейник.

Разольется по дубравью
Ливень песен вешних здешних,
Пробежит по тихотравью,
Сквозь хлеба, через олешики.

Рыжеглазый, хмельный, рослый,
Озорной нежданный праздник:
Дождь пролился, слезы ль, росы —
Все проветрит, все разъяснит.

1945,
Пышуг, Костромской области

Дорвался пожар до созревшего хлеба:
Пожнет, не приди на подмогу!
А мы ведь паек получаем не с неба.
Горнисты, играйте тревогу!

1950,
Карельский перешеек

ОТБОЯ НЕ БУДЕТ СЕГОДНЯ

Закат окунулся в густую зеленку,
Притихли дрозды и зарянки;
Кажись, не дремалось всего дергачонку
У дымной речонки-быстрянки.

Мир — уже, темь — глуша. Лишь пахнет
сенаами
Да черствой иссохшей дорогой.
Искрит под ногами да всходит над нами
Светляк-молодик двоерогий.

Соленым от пота, чернющим от солнца,
Солдатам, белесым от пыли,
Нешибко идется, не дюже поется...
Но близко отбой пропустили!

Вздохнула стогрудно, прибавила шагу,
Наддала сморенная рота.
— Сейчас я знатнее медведя залягу!..
— Соснуть — недурная работа!..

Все дышит отбоем, все в полном покое:
Наробились птицы и люди.
И шаг до палаток... Но дело такое:
— Солдаты! Отбоя не будет!

2 И. Н. Григорьев

ОДНА, КАК СЕРДЦЕ

Юркая речка. Вброд переход.
Рыжка стежинка в горку течет.
Тронешь — из ледника слезы — вода!
Над головою жгуты-проводы.
Мачты-столбы, как подпорки небес,
Грудью железной раздвинули лес.

Каждому листику в этом лесу,
Всякой травинке на тихом мысу
Я в своем сердце песню несу.

Здесь без шапочонки, на знобком ветру
Я научался любви и добру,
Тут научился у кротких берез
Плакать всерьез и смеяться до слез.

Где тот малец, оголец-сорванец?
Сколько провожено кровных сердец!
Сколько исхожено длинных путей
В хмурой и ведреной шире твоей!..

Вся ты, бескрайная, с высью хребтов,
С гулом столиц, с глушью лесов,
С далью полей, с глубью морей,
Стала одним
Кровом родным,
Долей моей!

И оттого мне глухой уголок,
Псковского неба линялый платок,
Горький дымок, перекресток дорог,
Отчий порог, облетающий сад
Ближе, милее, дороже стократ!

Ты меня грела, стыдила, несла.
Кто б мне помог, если б ты не спасла?!

Пламя твое мне дано и броня.
Ты ведь, как сердце, одна у меня!

1957,
Туготино, Псковщина

КОСОВИЦА

Пока не день, да и не ночка —
Еще не спит сычок: «Сплю-сплю»,
Но дреме не дана отсрочка,
И жаворонок-одиночка
Полощет горлышко: «Люблю!»

А сон силен об эту пору,
Глубок и синь, что окоем.
Но коротко, без разговору,
По вымытому косогору
Трубач горнит уже: «Подъем!»

Велит горнист. Встают солдаты,
Ровняют косы на плечах...
А травы часты и кудлаты,
А брови у девчат крылаты,
И дед бранится вгорячах.

А может быть, и не бранится —
По-сельски шутит напрямик.
А наверху — все звонче птица,
Внизу — все явственней землица!
— А ну, солдат!..

— А ну, старик!

— Тут не ать-два подметкой шпарить,
Не артикул ружьем творить.

Постой-ка с дедкой вровень, парень,—
В два счета, родненький, упарю!..
— Давай, чего там говорить.

Пошли дремучими медами,
Да так пошли, что черт не брат:
Все шире, все ровней, все дале —
Пошли, пошли, пошли! Наддали!..
— А ну, поторопись, солдат!

Как иволги чистоголосы,
Гуляют плечи: «Свись-посвись!»
Жужжат в руках стальные осы,
У ног саженные прокосы
Ложатся.

— Дед, отсторонись!

И дню — лишь час. И жить не поздно,
И ходят плечи: «Ай-ай-ай!..»
Ромашек ласковые звезды
И кашек огненные гнезда
Слетают.

— Дед, не отставай!

А тот винится хитровато:
— Мастак работать. Ну и ну!
Рук занимать, коль что, не надо:
Найдется дело для солдата,
Хоть вовсе отменяй войну!

1947—1964,
Котлы — Городок Витебский

* * *

Увольненье, увольненье —
Аж до двух ноль-ноль часов!
Вдоль деревни — воскресенье:
Глаз-то жарких, голосов!..

От зари такая алость,
Прямо разливанная!
Расплескалась, отозвалась
Песня безобманная.

Хоть не к рóдной призван маме —
Не у мачехи живешь:
Ешь хлеб-соль, скрипи ремнями,
Завлекай залетку в рожь —

Нечелованные губы,
Ладу-ненаглядушку...
Сенокос пошел на убыль.
Жги! Дроби! Вприсядушку!..

Покажи глазастой веси,
Как ты весел, чем богат...
Что ж ты русую повесил,
Загорюнился, солдат?

Ой, любить — не сенокосить,
Не стога отгрюхивать:

Так взяла — ни взять, ни бросить —
Шутки плохи, плохи ведь!

Ни плясать, ни петь — как связан:
Неважнецкие дела...
— В небе месяц ясноглазый,
Сбоку звездочка бела.

Сиротеет в стороне
Звездочка-утряночка.
Что ж ты скован, как в броне?
Выдь ко мне из таночки!

Замелькала птицей пестрой,
Залетала в трепаке,
Неудержном, семиверстном,
На высоком каблуке!

Прямо в душу заглянула:
Мол, какой ты есть такой?
Рассмеялась, подстегнула:
— Догоняй, тихоня мой!

1947,
Котлы, Ленинградской области

БУЙСТВО

В сентябре чернолесье пунцовей
костра,
Краснолесье чернью горит.
Наша серая местность пестрым-пестра
Аж до самой кромки зари.

Только желтое око раскроет восток —
Лес затеплится, тих и пригож.
И, скажи ты, каждый как есть листок
Своецветен, с братьями несхож!

Ни конца лучезарью, ни края, ни дна,
Хоть назад пойди, хоть вперед.
Тишина такая, что глазом видна,
Прислонись к ней — коль сердце —
пройдет.

Освежает тебя на каждом шагу
Холодок, что ядреный квас.
Тридцать верст отмахаешь в жарком
лагу,

А в ногах — на сорок запас;

А в глазах лучей — на тыщу ночей
И тепла — на сто холодов:
Нараспашку весь, а все — горячай!..
Жаль, что мне не хватает слов...

Обвисает, буйствует спелая тиши,
Как брусника, — косой коси.
Ты чего перед ней понуро галдиш?
Помолчи-ка, впрок запаси.

1940

Как тут искренне, просто, ново,
Это утро — твоя судьба.
И литое, спелое слово
Жатвы ждет, точь-в-точь как
хлеба!

25—28 августа 1963,
Городок Витебский

ДОРОГОЕ

До искринки сердце вверяешь,
Окуняешь в солнечный дождь!
И не знаешь, что потеряешь,
И не ведаешь, где найдешь.

Ну так что же, так что же, что же:
Для чего тебе знать о том?
Дышишь, бед и лет не итожа,
И дыши. Сочтешься потом.

Понимай: ни пера, ни пуха!
Набирай глубину в глаза!
А итог не сдашь, не поруха —
Он — последняя наша слеза...

Не тужи — пустое занятье,
До итога пока далеко;
День-то, видишь, в самом зачатье —
Пей парное его молоко!

Ты сегодня опять счастливый —
Дорогому поклоны класть.
Балагурь с плакучею ивой,
Нацелуйся с прохладой всласть.

Рукава хорошо засучили,
Просто дельную песню спели!..

Ни полтучки, ни ветреной тяги.
Снятся страдные сны окружью.
Дело сгрехавшие работяги
Не мешают веснеть прилужью.

Сладко спят в палатках саперы,
А под свежим мостом — веселье:
Лобачи-головли красноперы
Справляют у свай новоселье.

Мельтешат проворные спицы,
Рады сближенному расстоянью...
Что ж тебе, мостовик, не спится
Этой ведреной майской ранью?

Иль тебя эти две недели,
Этот мост на зябкой Ледянке
Замотать вконец не сумели?
— В полдень — к новой реке со стоянки.

В полдень — с севера в теплое лето;
Дай мне руку, бегучий лёдник.
Полюбилась мне зябкость эта
В первый раз, да так, что
в последний!

Ты идешь к ревуну-перекату,
Принагнулся, пьешь из ладони...
Как родному брату, солдату
Рады тихие вербы в затоне!

НАД ЛЕДЯНКОЙ

Вот бы мне такую сноровку:
Точно, прочно бы, честь по чести!
Вбит, что надо, гвоздь
в трехдюймовку,
И ершистая скобка на месте.

Всем бы нам такое раденье,
Чтоб от всей души, без изъяна:
Балка к балочке — загляденье! —
Мыть быкам бока неустанно.

И перила обглажены так-то:
Не уколет и девонька ручки.
Танк пройдет — не только что
трактор.
И ведь ладили не для получки.

Распалатила лагерь у вира
На ученья прибывшая рота.
И для мира, и для немира,
Если что, сгодится работа.

Мастерством зазря не кичились —
Просто сняли люди шинели,

Рады волны, и тени рады!
Рады рыжего солнца пятна!..
За спиной шаги ненагляды...
Вам не весело? Очень понятно.

1950,
Карельский перешеек

МОЕ ПОЧТЕНЬЕ

— Наразлúчился ж я, наскучался.
Здравствуй, дом мой, полный заряноч!
Что ж ты, шумен лес, размолчался?
Загляделся в дымчатый ранок?

Я и сам задивился тоже!
Здесь таких чудес не бывало:
За пять лет не старше — моложе
Деревенюшки обличье стало.

Грусть-низинка, мое почтенье!
Бью челом старине-шишиге!
Льны — где тлели пеняя-коренья!
Брат развилок, да ты — в булыге?!

Ель-елíнка, дружка, здорово!
Не дремала? Глядела в оба?
Не припомнишь: сюда другого
Не водила моя зазноба?

«Что ты!..»
— Что ты? С кем ты,
служивый?..

Что, аль родина не знакома?..

— Как там наши-то?

— Ждали. Живы.

— Мать честная, и впрямь я дома!

И гляжу — и не наглядеться,
И дышу — и не надышаться!..
Хорошо от восхода греться,
В старом новому удивляться!

1950,
Ситовичи, Псковщина

БЕРЕГИ ЗАЗЕМЛЕНИЕ

Ты не знаешь, что такое «должно
непременно»
Через самого себя — в неистовой
тоске!

Ты не нюхал, что такое верность
и измена,
Что такое леденящий ужас плена,
Что такое пистолет, кипящий на
виске!

Ты не шел в окопы развороченные
К дедам скорбным и к юнцам седым,
В ночи, пулеметами простроченные,
Будто жала тесаков, огнем
наточенные,
С головой не окунался
в непроглядный дым.

Это сделал за тебя другой парнишка,
Белобрысый и вихрастый (вижу, как
сейчас),
Знал, что надо! Знал! И не искал
затишья.
Не прожил он, ой, не пробыл лишка:
Восемнадцатой весной в пожаре
штыковом угас!

Помнил: выбора иного нету, нету,
нету,
Будь ты старый или молодой.
Много ль, мало ли, как мог, помог
рассвету
И сегодняшнему твоему безоблачному
лету
Загореться над оглохшою землей.

'Слушай, человек, запоминай до малости:
Я еще от битвы не остыл пока,
Мне еще бессонно от вчерашней
яности,
И еще горюче от ребячьеи старости,
И еще, коль что, не дрогнет у меня
рука!

То не уговор — солдата повеленье:
Надо, надо, понимаешь: надо понимать
азы!
Как твое земное тяготенье?
У тебя в порядке заземленье?
Время-то у нас не без грозы!

1953,
Ленинград

НА СВОИХ ПЛЕЧАХ

РЕКВИЕМ

Ах тишина, что ты поешь?
О чем горюешь, звезда?
Быть ведру, а ты роняешь дрожь,
Как птаха — пух из гнезда.

Иль слышишь голос тишайших сестер
На немыслимой крохе — Земле?
О, сколько их мой народ простер
В горючей русской золе!

Все суще слезы у братских могил,
Становится старью новь...
И я там был. И, случалось, лил
Свою и чужую кровь.

Ее не мерили в ту страду,
Шалело с нее воронье.
Ой, многим-премногим было на роду
До капли пролить ее.

Мы жизни швыряли на страшный кон,
Свинцово бросались в свинец.
А случалась осечка — короткий стон
И все. И делу конец.

Мы брали руками врага за рога,
Тягались грудью с огнем.

А была нам жизнь сполна дорога,
Мы грезили мирным днем.

Мы звали, звали забытую тишину
И на самом последнем краю,
Вот точно так же, как сирый малыш
Кычет маму свою!

Но дни коротки, часы короткий
Нам присудила война...
Мои дорогие, мои годки!
Непробудная тишина!

1950,
Плюсса, Псковской области

НАБАТ

Обозы, обозы, обозы —
Такое, как в дни старины!
Искромсаны в щепки березы
Нешадной секирой войны.

И стынут в тепле буйноцвета
Мужья... Бобыли... Сыновья...
Не сделано столько! Не спето!
А в рощу веселое лето
Вселило для них соловья.

А в селах глухие разрывы
Да толом пропахшая жизнь.
И кажется — тучные нивы
Рыдают над каждым: проснись!

Щетинится жердь у омета
Вихрастой певучей листвой.
А в поле частят пулеметы,
Свинец высеовая густой.

И день непроглядью лохматой
Задернут на тысячу верст.
Отчизна! Твои ль это хаты
С окошками, полными слез?

Твоя ль эта радость лесная,
Кладбищ вековечная грусть?
Вот этот, как рана сквозная,
Большак в заповедную Русь?

И эти бредущие люди?..
Бедует набатная весть:
Никто, кроме нас, не рассудит,
Что будет! Что было! Что есть!

13 июля 1941,
Тушилово, Псковщина

ВЕРНОСТЬ

Не море — горючее горе,
Земли перепуганной дрожь.
Сочатся пробитые зори,
Ложатся в убитую рожь.

Стекают к ее изголовью,
К последнему ложу ее,
На землю, залитую кровью,
На горькое сердце мое;

На доброе страшное сердце,
От мести глухое дотла,
Которому некуда деться,
Которое смерть обошла...

О мир, ясноглаз и доверчив,
Тебя на съеденье войне
Хватают клыкастые смерчи
И в черном корежат огне;

Грабастают, пьяны от власти,
И пляшут на красных костях!
И стонешь ты в бешеной пасти,
И тонешь в железных когтях!

Но смотрят нам в души нагие
России сухие глаза:
— Мои сыновья дорогие,
Ни шагу, ни пяди назад!

Хоть страшно, должны мы признаться,
Должны — в горевальном пути:
Ведь некуда больше сдаваться
И некуда дальше идти!

Распятые силищей стали,
Ослепшие в смертной грозе,
Мы стиснули души. Мы встали.
Живые и мертвые. Все!

И мы ей, любимой,носим
Любовь свою — точность свинца!..
Быть зорям, вздыматься колосьям,
И жить тебе, Жизнь, без конца!

1943,
Псковщина

ПАРТИЗАНЫ

Длинный дождь,
Время — нож:
Поневоле — в дрожь!
Море — поле мое,
Ветрово жнивье.

Зябнет зябь,
Жухнет рябь,
Хлобыстает хлябь.
Небо, низ — все одно:
Вздыбленное дно.

Ни отстать,
Ни пристать,
А дойдешь — как знать:
Может, лечь насовсем,
Так что — глух и нем...

Далеко.
Нелегко.
День как молоко...
— Размокрели, дружки?
На-ка, обожги:

Погармонь,
Душу тронь,
Высеки огоны!

Ну-ка русского, эх,
Отчубучь, не грех!

Сплесани,
Плескани.
— Ноги ни-ни-ни.
— Не жалей, хватит ног.
— Разве что — чутбок...

Зачастил,
Припустил,
Дал, что было сил:
Начудил аж до слез,
Хмарь и хмурь разнес!

Будто нет
Тяжких бед,
Проклятущих лет,
Будто с гаком полста —
Что одна верста.

Душит дождь,
Только врешь:
Душу не зальешь,
Не доймешь, не уймешь:
Больно жар хорош!

Ноябрь 1943,
Зачеренье, Псковщина

МЫ ИДЕМ

Зябки и туманны
Голые кусты,
Топкие поляны
Немы и пусты.

Над густыми мхами,
Над плакун-травой
Звезды ворохами
В синьке ветровой.

Ласково и люто
Теплится восток,
Горестно и любо.
— Обыкай, сынок...

Стылая осока,
Сниклая куга...
— А и впрямь далеко.
— Да, не два шага.

До свету добраться б,
Жару бы им дать!
Поднажмемте, братцы:
Там у фрица гать.

Те места повыше:
Не дорожка — пух!

— Рад бежать, да вышел
Вроде бы весь дух.

— Вышел? Не поруха —
Немчура горазд:
По завязки духу
Накидает враз!

— Непременно вложит,
Только кто кому!
— Все случиться может:
Смерть сгребет в суму...

Непокой и дрема
В сердце шелестят.
— Ни кола, ни дома:
Все порушил кат.

Одичала пашня...
— Ладно, волчья сыть!..
И такую радостно
Родину любить!

1943,
Псковщина

ПЕРЕХОД

У кромки старуха осина
Хохочет, хохочет навзрыд.
Вязка ты, псковская трясина:
И лось не опустит копыт.

К тебе и глухарь отощалый
По клюку не смеет летать,
Кабан — вездеход одичалый —
Обходит пропащую гладь.

Здесь прямо, и справа, и слева
Стоглазая дышит напасть,
Бурчит ее черное чрево,
Оскалена бурая пасть.

И нету нам выбора! Нету!
И можешь не можешь — иди!
— Пустите-ка, я ее, эту!..
Ой, мамка, да здесь — до груди!..

Ярится ноябрьская стужа,
А хаты, как май, далеки.
— Подсумки притягивай туже:
Патроны мочить не моги!

— Эй, зяблики, грейсь от заката:
В тепле-то сподручней идти!..
Да кто ж вы такие, ребята?
Да как же России не быть!

Ноябрь 1943,
Соколий мох, Псковщина

ОДИН

Вдовеют немо воронки,
Да небо глухо и слепо,
Да города кости в сторонке —
Нету надежней склепа:

Бетон на нет перемолот,
Огнеметы, как стужа, зябки.
Плача, о смерти молят
Невинных яблонь культияки.

Лежат застывшие люди,
Друзья и враги — в обнимку.
Осатанев от жути,
Взимает смерть недоимку;

Ошаращена страшной мэдою,
Невиданной глубью мщенья!..
Над танковой бороздою
Мертвые тлеют коренья.

Ни ростка, ни зерна, ни почки
В борозде этой бездыханной,
В борозде этой окаянной,
Под грудью бойца-одиночки.

Где он, путь к медсанбату?
Обмотки набрякли кровью.

Тяжко ползти солдату:
Пруссия не Подмосковье.

И нечем дышать... — Братцы!..
От звона в ушах багряно.
А не дышать в девятнадцать
Рано, рано! Ведь рано!..

Тупо от острой боли,
Душит тоска ножевая:
Один не воин в поле.
Отклиknись, душа живая!..

Май 1944,
Военно-медицинская академия, Ленинград

ЗА ПРОХОДНОЙ

1. Синица

Не знаю, сколько здесь целых тел
Из всех из нас можно б сбрать,
Но душ, в которых светляк теплел,
Бедовало в палате двадцать пять.

Был каждый вдох как штык
под ребро,
Стук сердца искры из глаз высекал,
И лапа когтистая рвала нутро
И клала бывалых ребят наповал!

А в окна ломился плакун-февраль,
Сжигал, лиходей, надежд мосты.
И вся наша даль, бескрайная даль,
Кончалась у самой первой версты...

И вдруг из клятой кромешной мглы,
Как смех ребенка, чист и высок,
Тише безмолвия, тоньше иглы,
Пробился к нам ее голосок!

Осклабился дядя: — Вишь ты, поет.
Братки, да это ж к теплу она,
Гляньте: на стеклах отходит лед! —
И всхлипнул по-детски: — Вот те
и на!

Ей-богу, веснеет! Теперь поживем:
Синицы не пробуют зря голосов!..
Он так и умер с веселым ртом,
С красной слезиной в щетине усов.

Как просто, как лютно: ни стен,
ни границ,
И незачем боль, и что ему — даль!..
А мы остались слушать синиц,
Любить, горевать, поминать февраль.

2. Крещенье зарей

Я запер сердце на крепкий засов,
Я бросил тоске: — Шалишь! —
И, стиснув зубы, десять часов
Ночную выслушивал тишину.

И десять часов, десять подряд,
Как в омут, в темень глядел.
Храпел, мельтешил за окном
звездопад,
Молодик нестерпимо желтел.

А тишина, как холодный стоногий
червь,
Шевелилась, в уши ползла,
И тьмы проклятущей зыбкая чернь
Текла, наливалась в глаза.

Хватил я лиха от ласк тоски —
Не запираюсь зазря.
Да вот, когда уж не видел ни зги,
В окно постучала заря!

За нею — солнце. И льдинки в глазах
Порастаяли у меня.
И я не стыдился в теплых слезах
Встречать наступленье дня...

И вот я живу, черт побери,
Хоть были дела табак!
Живу, поживаю, крестник зари,
Тоски беспощадный враг!

Июнь 1960,
Военно-медицинская академия, Ленинград

РАЗГОВОР С ЗЕМЛЕЙ

Последний выстрел замирает.

Последний тонет стон.

В кипящей заводи сгорает

Стальной немецкий слон.

Шестидюймовый хобот гада

Отвыл, отлютовал.

Вопит Земля: не на... не надо

Жечь матья наповал!

Мне цвесь, а я черна от жути,

Зола и тлен до дна.

Зачем вы так со мною, люди?

Ведь я — всего одна!

Пойми, Земля: людскому званью

Совсем не все верны,

Твои верховные созданья

Не все тебе сыны.

Гляди, какие громометы

Сожгли твой чистый снег!

Вот эти с черепами роты —

Они не Человек.

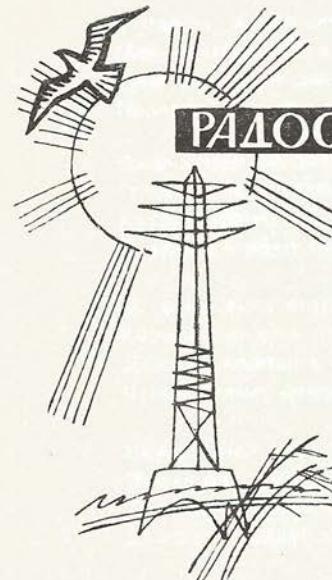
Они тебя секли и грызли,

Идти в полон веля.

Но все: мы вырвали их жизни.

Вздохни о нас, Земля!

21 ноября 1943,
Лышицы, Псковщина

РАДОСТЬ ДО КРАЕВ

ПОБЕДА

В радуге, в слезыньях, в цвете
Май, позабывший о солнце.
Тучи как малые дети:
Плачется враз и смеется.

Ветрик загикал, захлюпал,
Гром жиганул холстыми,
Катится звончайший купол,
Светится в радостном дыме.

До земи высь опустилась,
Кланяясь низким избенкам.
Дождик, хороший, как милость,
Чалым бежит жеребенком.

Неукротимо и круто
Пламя разлапое рыщет.
Дня многогорлая груда
Хлипает, грохает, свищет.

Ей откликаются люди
Вздохом, раскатистей грома.
Настежь раскрытые груди,
Перворожденья истома.

Лица, как молнии, жарки,
Очи, как солнце, лучисты,

Губы — как полные чарки,
Думы, как радуга, чисты.

Раненой жизни начало
Душу врачует и дразнит.
Небо и то не смолчало:
Вышло — до тучки — на праздник.

Сходятся ярые руки
В ошеломленном зените...
Слышите? Знаете, други?
Кончено! Можно! Вздохните!

9 мая 1945,
Большое Николаевское,
Костромской области

* * *

И гомон, и щебет, и вереск,
И дождик пухистый с ольхи,
Лягушек неистовый нерест,
Бушующие петухи!

Не мешкают полые воды:
Текут, разбегаются, мчат!
И холст веселуны-погоды
Пестреет, как платья девчат.

И полнится сердце тревогой,
Апрелевой жаждой палит,
И грезит широкой дорогой,
И в путь собираясь велит.

И всякая струйка-маявка
Лучам раскрывает уста,
И каждая крохотка-травка,
Как встреча с любимой, чиста.

И все в этот полдень — свиданье,
Сладчайшая звонкая весть —
Признанье, признанье, признанье
В безгрешном желанье: расцвесь!

1946—1947

ПОД ЗВЕЗДАМИ

Да сколько ж ночка их назвездила,
И как же скоро зацвели!
Мохнатыми свисают гроздьями,
Точь-в-точь в цветущем лынне шмели.

И все тихохонько качаются,
Роняя наземь желтый хруст,
Горячих губ твоих касаются,
Чуть горьковатые на вкус,

Близехоньки, совсем несказные,
И, не спрося, в полон берут.
Они зовут, и путь указывают,
И зачинаются, и мрут;

Вот впереди мелькнула новая,
Вот старая оборвалась...
Застыла гладь семиверстовая,
Дивясь на инееву вязь.

А путь облит снежком, как росами,
А темь по-летнему густа.
И может, в этой щедрой россыпи
Зажжется и твоя звезда!

1940

СЕНТЯБРИНЫ

Засентябрят, листвы настелет
На труден путь,
Непрошено-незвано вцелит
Тебе грустинку в грудь.

Кругом, от озими до елей,
Пойдет желтеть,
Завьюжит радуги апрелей,
Сгребет в медянку-сеть.

Позатревожит нежно-нежно
Теплом ледка,
И затуманишься безгрешно,
И жизнь до дна сладка,

И загорюешь ясно-ясно,
Как день погож,
И приумолкнешь не напрасно,
И хорошо вздохнешь.

О чём не знал, что не свершилось —
За все гори...
О сентябрин скучая милость,
Щедрей кори!

17 августа 1953,
Гречухино, Карельский перешеек

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Петру Выходцеву

Я в русской глухомани рос.
Шагнешь — и прямо на задворках
Ольха, да мох, да плеск берез,
Да где-то град уездный Порхов.

В деревне двадцать пять дворов,
На едока шматок низины,
На всех четырнадцать коров
И семь голов иной скотины.

Народ — на голыше босяк,
А ребятню что год — рожали.
Как жили? Всяко: так и сяк —
Не все, однако, помирали.

Большим не до ребят — дела:
Не как теперь — не на зарплате.
Нам нянькой улица была,
Кустарник — мамкой, поле — тятей.

Про зиму что и вспоминать:
Вьюгá выюжила на болоте —
Зима и сытому не мать,
Хоть в шубе будь, да все не тетя...

Весной кормились купырем,
Пестами ранними, кислицей,
А потеплеет — пескарьем,
Но более всего водицей.

Зато уж лето детворе
Надарит ягод, и орехов,
И птичих песен на заре,
И вволю солнечного смеха!..

Нас в люди выводила Русь
Всей строгостью земли и неба.
Пусть хлеб ее был черным! Пусть!
Но никогда он горьким не был!

26—27 июля 1960,
Городок Витебский

* * *

И не гулко, и не тихо
Иволга ведет.
Разомлевшая гречиха
Курит красный мед.

Тает зной под косогором,
Сразу и невдруг.
И спасибом, и укором
Полон всякий звук.

Отработал, отглаголил,
Откипел денек;
Балагурит по-над полем
Дымчатый тенек,

Шебаршит и балагурит,
Горьковат чуть-чуть.
Жаркий зрак светило жмурит:
Времечко вздрежнуть.

Сходит, крадучись, прохлада
С плеса на покос...
Поспешай, моя отрада,
В заревой овес.

Будем пить хмельную радость,
Молодо грустить.
Одному такую радость
В сердце не вместить!

1940

СЫН

Сегодня первый шаг он в жизни
сделал,
Залепетал от радости и — хлоп! —
И шишку посадил на мягкий лоб:
Уж очень непривычным было дело.

Потрогал: больно! Крепко заскучал.
Хотел заплакать, да не видит папа.
А на полу — два солнечных накрата:
Лиловый — с пряник, алый — малость
мал.

Возьму его, конечно же меньшой,
Пусть больший поиграет у порога.
Вознес ручонки, смотрит взросло
строго,
Лучится теплой махонькой душой!

А зайчики почти у самых ног
Барахтаются, мельтешат, резвятся,
Совсем ручные: даже не боятся...
Еще шажок — и рядом с шишкой —
рог!..

Мой человек! Мой дорогой простак!
Шагай прямей — лиха беда начало!
А синяки — пожгло и полегчало...
Держи прямей! А синяки — пустяк.

Глянь: за окном желто от сентября,
Прозрачно, как родник, и шорохливо,
И ловит сквознячок в ладони ива,
Листву посолевелую ребря!

И светит тень, и теневеет свет,
И дышит день,
большущий-пребольшущий,
Распахнутый, смеющийся, зовущий,
И солнцу ни конца, ни края нет!

1957

* * *

Льву Малюкову

Неотыгранное детство.
Думки на ветер.
Леса гулкое соседство
В желтой замяти.

Разгрустилась в небе флейта
Лебединая.
Кликунов-то, журавлей-то
Над лядиною!

Разлетаются звенящие,
Будто облаки...
Чище гущи, реже чащи,
Строгость в облике.

Уж недолго листьям литься:
Осень пёплится...
Мы идем. Что глаз, что лиц-то
В окнах теплится!

Мы шагаем в ногу, рядом,
Обновленные,
Прежним ладом, новым складом
Вдохновленные!

Не глухие, не косые,
Не безродные,
Нет, не пасынки России
Беззаботные!

За плечами лег путище —
Версты многие!
Только мы с тобой, дружище,
Крепконогие.

Не робей: денек развесил
Стоголосицу.
Сколько сказок, сколько песен
В память просится!

Сколько рук за час погожий
Поручкается!
Сколько троп и раздорожий
Не кончается!

Будто вдруг дано наследство
Нам нежданное,
Золотое малолетство,
Голоштанное.

Будто зрелость-долгождана
Въявь нагрянула.
Тихо, властно, безобманно
В душу глянула.

Хоть горланить и не дюже,
Дело ладится:
Наш напев не о francazen,
В бум не рядится.

Все взаправду, все тут наше:
Мед и горести.
И напишем и напашем
Добро вскорости!

11 октября 1958,
Псковщина

ПОБРАТИМЫ

Тимофею Егорову

Ребятушки, други мои, побратимы,
Вы ждете — привет вам, привет! —
Стихов об отряде Егорова Тимы,
О коих божился поэт?

Вчера мне сам Тима Егоров, наш батя,
Про ваш разговор написал:
«Забористо в гору наш песенник
катит,
На новый мотив заплясал;
В деревню заглянет — не парень,
а дачник —
Гостюет в родимом дому.
Божился, да, видно, разжился,
удачник:
Известность! До нас ли ему. —
Вздохнули, махнули рукой безнадежно. —
И этот братёв позабыл...»

Но я вас люблю молчаливо и нежно,
Как в лютые годы любил!

За горькую правду не очень судите:
Да здравствует стих без прикрас!
За рифмы глагольные грех
отпустите,
Как раньше прощали не раз.

Мы все на виду кочевали у смерти,
Одним крещены мы огнем.
И я не забыл обещанья, поверьте,
Как вы, не забыл ни о чем!

Я помню немую работу разведки,
Уснувших навеки ребят.
Под сердцем моим пулевые отметки
Доныне к погоде горят.

Доныне осколок немецкой гранаты
Мне спать на спине не дает,
И тяжкий валун над могилою брата
Сжимает дыханье мое...

Нет! Я ничего не забыл, хоть
и рад бы
О многом, что знаю, не знать...
Доныне призыв нашей давнишней клятвы
Случается мне повторять:

«За правое дело без страха, без лени
Клянемся стоять до конца!
Скорее умрем, чем падем на колени!
Не спрячем трусливо лица!»

А вы, побратимы, ее повторяете?
Не забываете?

Припоминаете?
Не остудили горячие ваши сердца?

6 июля 1947,
Ленинград

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Поэма

*Светлой памяти
брата Льва Григорьева*

1. Напутствие

Час неровен, в близком ли, дальнем
потом

По молодому неразумению кто-то
Зевнет, сверкнув белозубым ртом,
Над былью-болью этой: «Раб-бота!»

Ухмыльнется: «Нам, сегодня, теперь
Не до сказок вчераших, кондовый
автор».

— Верь не верь — не ломись в открытую
дверь,
Войди, приглядись: я старался
для Завтра.

Хоть на самый новый аршин прикинь,
Хоть сошлись на ультрамодные стили,
Хоть на какую высь, хоть на любую
длинь —
Огонь на себя принявшие правильно
жили!

Мерь не мерь, как могу, я не лгу:
Пусть и старой закваски, да к нови
причастен малость.
Не в шелку, я у жизни в долгу.
Мне дышать, может быть, ничего
не осталось.

Может статься, в самом зacinе
как раз,
Вот сейчас, сложит голову
стихотворенье.
Саданет короткий, как выстрел,
приказ:
«В наступленье!»

И подымемся в рост! И пойдем!
И падем,
Погасив амбразуры взорвавшейся
кровью!
Чтобы вам не звереть под железным
дождем,
Смерть и ненависть не величать
любовью...

Надо б лучше, да где тут: вовсю
тороплюсь.
Не судите за то, не рядите, поймите:
Негусто спокойных минут у эпохи.
И прости мне пристрастие, Русь —
Я горю! Я с тобою до крохи!

Я ведь всем твоим детям —
по крови — брат:
За тебя сгоревшим в далеких сехах,
И тем, что ныне с тобой горят,

И всем, кто для тебя запыляет
в грядущем далече.

Ты и солнце в ночи и темь среди
бела дня,
Полынь-горечь и громкая радость
разом.
Не обдели тернистым путем меня,
Не обойди нещадным беспрекословным
приказом!

2. Алеха

— Ай-ай, житье веселоб,
Цыганское оченно:
Алеху в лес завело,
Настежь пропесочило!

Накидало взашей
За здорово живете,
Сделало портняжкой: шей,
Крои... на пулемете!

Наградило бородой
Дедовой в двадцать,
Наделило худобой:
Поись бы, братцы!

От пальбы да в тенек:
Прочистить бы уши,
Только б малый денек
Побить баклушки!

В баньку бы, в парок-жару
До веничка-света!
Покукуй-ка в бору
Две зимы, два лета,

Под фуфайкой попарь
Душеньку смоленую!..
— Ну, завел, пономарь,
Язви его в ядреную.

Вот уж зык так зык:
Ни умолку, ни сладу.
И ведь что за язык —
Два года кряду.

И ведь что за народ —
Луженая глотка...
— Нонеч год — он не тот,
Дедка Федотка.

При нажиме таком,
При этаком накале
Год зачи трояком:
Втрое взвоевали!

И перчит, и урчит,
И нутро вывертывает,
В горле костью торчит
Это дело чертова.

Только мы все тут:
Служим, хоть и тужим.
Закапутим капут:
Так ли сяк — сдюжим;

Всех, какие враги,
Доведем до ручки!..
А потом на пироги
Заглянем к твоей внучке.

Алексей да Федосей
По рукам ударим:
Чем не пара ей?
Чем я не парень?

Обмакнем усы
В полную рюмашку,
Дробанем плясы
Во всю души распашку!

И не рыпайся, друг,
Что разнимся годами:
Мы — годки: дед и внук —
Ровня... бородами...

— Ведь полночь: не занúдь,
Не жужжи, Леха,
Не блажи, дай соснуть!
— Всхрапнуть, оно неплохо:

В полночь дрыхнет и вражье,
А я не рыжий тоже...
— Партизаны, в ружье!
— Аль вставать?
— Похоже...

3. Дорога

Прямая дорожка!
За спиной — котомочка в пуд.
Под Псковом — бомбежка.
К Луге — семнадцать зáрев цветут.
Небо грозит: «Везу-у!.. Смету-у!..»
Травит живую душу: «Ату-у!..»

— Напутили кочек
Черт с бесихой в болотушке!..
— Еще семь версточек,
Везде-хо-ду-шки!
А там поднимем со смаком
На суше! В ельничке!
Всего — семь с гаком,
Отшельнички!

Гиблая топь сторожко
Примеряет петлю на пяту.
Прижигает загривок мошка.
— Ну полазим мы тут,
Уж повязнем мы тут!..
— Кончай, Иван, матату!..
Прямая дорожка,
По а-зи-му-ту!

— Ну бы такие дороги!..
— Не растягивайся! Аль оглох?..
Из лап упуская ноги,
Алчно чавкает мох:
«Ж-жах! Ч-чух! Ч-choх!..»
И не пудёшник — два на плечах.
«Хлюп! Чвяк! Ч-ах!..»

— Коль дыхать нечем,
Чудик, приляг:
Покой обеспечен...
— Алеша, вы сами чудак.
Довольно, будет, спасибо:
Ведь чуть ли не весь рюкзак!
Не мне, старишку помогли бы.
— Федосею-то? Как бы не так!
Старый лешак без нас неплох:
По части болот мастак.

«Плюх! Плях! Плех!..» —
Шаг. Шаг. Шаг.

Прямая дорожка,
Трясиной похеренная,
Ровная, как ладошка,
Журавлями да ветром мерянная,
А человеку — не крышка, так дно —
В глазах темно:
Третий пуд засел на плечах.
Но все одно:
«Ч-ах! Ч-ох! Ч-ах!..»

Похоже — утреет, похоже — нет.
Горят потемки, стынет рассвет.
— Как будто кисель,
Поганец-туман.
Ну бы крылья бы да отсель...
— Не вознесись, Иван.

Все на земле имеет край,
Дальше которого некуда, точка:
И мох, и ночь, и эта на кочке кочка.
А вот человек может и через край.
— Давай! Давай! Давай!

— Что встал? Аль пристал, Федот?
— Дивлюсь, как в ноздри берегом
бьет!

И вот
Горько-сладкой пахнulo сушью,
Близко дышит плакун-трава.
И запраздновало над глушью:
— Земля, братва!..

Зáрева откраснели
До новых потемок. А там — опять!..
Колются любушки-ели,
Суши! Благодать!
— Раздать сухари
На едока — три.
Костров не палить! Есть! Спать!

Пришлось потрудиться.
— Ты бы, Федот Степаныч, вздремнул.
— Мне, Иваныч, зараз не наспится:
Мозжит поясница,
Хоть кричи караул.
К ночи нéпогодъ разразится.
Дозволь заступлю в караул...

На еловых лапах
Медóв сон!
Девятнадцать храпов,
И все — на разный тон:
Кто — басит,
Кто — голосит,
Кто — посвистывает;
И все — не как-нибудь,
В полную грудь —
И-сто-во!

И только трое не спят:
Дед Федот, да дядка Игнат,
Да командир Тимофей Иваныч.
Видели б вы, как трое глядят,
Сберегая силенки отряда на ночь!..

А солнце сблнчит
Песню свою
Все теплей, все звонче:

— Встаю! Встаю!
Вы служите —
И я служу,
Вы не тужите —
И я не тужу,
В оба гляжу,
Сухо одежду сушу!
А к полднó накалюсь, созрею —
Кости ваши прогрею!

Июльский день дóлог,
Длинен, да не для нас.
Пуховик для щеки колок,
А так — в самый раз.
На земле, до сердца раскроенной,
Шестнадцать часов подряд
разметались русские воины:
Спят, спят, спят!

В глухариной обители
Несморенные глухари,
Семнадцатый час мстители
Пьют живую брагу земли...
Набирайтесь! Силы сгодятся:
Экая даль вам, сыны!
Запасайтесь, куда деваться,
Высыпайтесь!
И пусть вам не снятся
Сегодня горькие сны...

Спится ребятам, спится,
А солнце уже садится...
— Светило, братишка,
Повремени, погустей,
Ребятам не будет лишка:
Пар не ломит костей!..

Но смежается глаз горящий,
Окунается в облака:
— И вам и мне пора.
Ни пуха ни пера.
Пока-а!..
Затеневело в чаще,
Захолодило бока.

Травы запахли слаще.
— Двадцать два, пять.
Растолкать спящих:
Пора выступать!
— Подъем, недужные:
Время — с хвостиком двадцать два!
И не матюжные,
А покрепче были слова...

* * *

Прямая дорожка,
Куда загнешь?..
Вышла б оплошка,
Не выручи дождь,
Не вывези нож!
Лешка, Лешка,
Страшно ты бьешь!

Ты молодчина:
Не промазал, брат!
Так что за причина,
Пошто не рад?
Весь как в угаре,
С обвислым плечом.

О чём ты, паря?
Парень, о чём?

Ведь екни твое сердечко,
Или дрогни рука —
И нам бы вышла осечка
На-вер-ня-ка:
Клещи врага —
И весь вас ист дас,
И вся недолгá!..
А ты его р-раз!
И мы себе топаем позади большака.

Так что ж ты прячешь
Глаза, шальные до дна?
Нельзя иначе ж,
Нельзя: война!..
— Сынок, война!..
Лучше курни-ка, на!

У меня табачишко —
Пятитравный сорт:
С ползатяжки, слышь-ка,
Поперхнется сам черт!
Дымни — и крышка.
Новички-то... Будь тверд.

— Благодарствую, дедка,
Подходяще дерет!
Спасибо, отец Федот!
— На здоровье, детка.
На-ка твой пулумет.
Слышишь, у перелеска
Провод поет?
Похоже, близко железка —
Крой наперед!

4. Железка

Ливень круче. Град отвесней.
Ночь текуча, ночь — беда!
Душу рвут хрипливой песней
Умершие провода.

Шибко-шибко плачут елки,
Голосят, вопят, орут,
Будто плоть живую волки
С лаем, с хрустом, с визгом жрут!

— Рвите, жрите — не прожрете:
Глотка тесная.
— Вот погодка так уж вроде
Расчудесная!

Рельсы взвякивают резко:
Рельсам холодно.
Эх, железочка-железка,
Тебе тола бы!

Потерпи, дадим, что просишь,
Слышим воплины.
Эшелончик нам подбросишь,
Будешь тепленькой!

Раскостерим, эх, костерчик,
Ух ты, ухоньки,
Так, что стыки жаром скорчит:
Мини сухоньки!

Где нам жадничать, куда там:
Кроме прочего
И лимоном, и гранатом,
И каленым виноградом
Вслать попотчuem!..

А пока погода стонет,
Ночь мокра невпроворот,
И, как щепка в море, тонет:
Кому жить и кто умрет.

Ни земли, ни туч, ни леса —
Льет вода, ползет, бежит,
Да осипшее железо,
Ну скажи, дрожмя дрожит!..

— Вот примочка! Ну промочка!
Небо спятило!..
— Мне сегодня два годочка
Насолдатило.

В сорок первом, в том июле,
Двадцать пятого
Окрутили меня с пулей,
Неженатого.

Наползло в деревню ганса,
Понахалося!..
По-пластунски в лес подался,
На руках рыся!..

Сорок ден вкушал водицу,
Мер в малиннике...
А сегодня Леха с фрицем
Именинники.

Юбилей двухгодовалый —
Дата красная.
— Потерпи, осталось мало.
Уж и спразднуем!..

Час... Другой... Видней водица...
Проступают камыши...
И хоть очень не лежится,
А лежи!

— Забелело на восходе:
Каб не влопаться впросак!..
— Тише, братцы! Едет вроде!
— То не он: бубнит пруссак.

— Вот житуха: дождь не лезет
Ни за шиворот, ни в рот,
Знай посиживай в железе!
Слышь, люли мурлен¹ поет.
— Как-нибудь заткнем и дот!..

Три часа... Четыре... Пятый —
У моста, лицом в кугу...
— Не м-могу: подплыл, ребята.
— Кто не может! Ни гугу!

Ишь раскашлялся, как дома,
Расхлебенил решето.
Долбани его, Ерема!
— Чуешь, друг? Замри! А то!..

Тут тебе не посиделки,
Не на супретку попал:
С шестиствольной жахнет грелки —
Обогреет наповал!..

Семь утра! Мутит погода...
Десять! Плюхает...
Час! Обносит нас природа
Оплеухою...

Три! Ни капельки на сушё...
Полчетвертого!
Хоть бы горстку твердой суши!
Крохи б твердого!..

Без пяти четыре! Лупит
С неба клятого...
— Ну бы п-печку да т-тулупчик...
Четверть пятого!..

Ни подняться, ни прижаться...
— Ну бы хата бы!..
— До заката додержаться,
До заката бы!

До потемочек, до ночи
Если б выдюжили!..
Есть ли мочь, нету мочи,
А ведь вылежали.

Свечерело! Небо низко.
Немец ужинает...
Сдвинься с места, шелохнись-ка —
Кровь остуженная.

Наливайтесь в жилы, соки,
Не утоп, так дело робь:
Шевелитесь, руки-ноги,
Отбивайте, зубы, дробь.

Впереди полно работы,
Впереди работы — во!
— Эй там, ерзаешь чего ты?
— Да колено не того.

¹ «Лили Марлен» — песня гитлеровских солдат

Не колено, а полено:
Ни согнуть, ни разогнуть...
— Н-ну бы крышу бы, да сена,
Да стакашек шнапса в грудь!..

— Любо-мило затемнело!
— Почернело — я те дам!
Будет дело! Будет дело:
Стопроцентный тарарам!

— Слышишь, рельсы заиграли
На мотив совсем другой.
Слышишь «трали-трали-трали»?
— Это ветер над рекой.

— Ты не шапкой слухай — ухом:
Стук колес уловишь враз.
— Я впервый...

— Огня не нюхал?
Ничего, нюхнешь сейчас!
Ой, нюхнешь, ой, нюхнешь!
— Погоди чудить, Алеш:

Это боязно, наверно, —
Сгрехать поезд под бугор?
— Да, признаться, так примерно,
Как вести с начальством спор...

Будешь рвать, возьми вот это.
— Не обстрелян я, браток...
Кровью харкнула ракета,
И навстречу ей — гудок!

* * *

Глумится небо. Гнется тал.
И в этой тьме незрячей.
Все злее лязгает металл,
Все горше ветер плачет.

Совсем-совсем короткий сказ,
Ах, до чего ж он длінен:
Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас
Хлестнет кровавый ливень!

Состав крадется без огней,
Везет гостей недобрых.
И сердце чаще и сильней
Стучит, бедует в ребрах!

В ушах трезвон, во рту печет,
А злыдень — вот он, рядом.
— Давай запал, комолый черт!
— Вставай, Ванюха! Надо!..

5. Именины

Ой вы, псковские места,
Двести первая верста!
Год пройдет. И двадцать лет.
Двадцать первый век грядет,
А к тебе горючий след
Трын-травой не зарастет.
Нет! Его не рассосет,
Не исторгнет из сердец
Ни быльем, ни лебедой,
Ни бегучею водой —
На земной груди рубец!

Оглушенному огнем,
Ослепленному свинцом,
Как поведать мне о нем,
О пожаре над рекой?!

Ну, каким таким словцом!
Ох, какой, какой строкой?..

Двести первая верста —
Просто столбик у моста!
Двести первая верста!
Ночь густа,
Река быстра,
Крутизна, высота!..
«Тра-та-та!..»

«Бух-х! У-ух! Та-та-та!..»
Разгорается вода!..
— Ты куда?
— Я, Леш, туда.
— Вылезай из-под куста,
А не то!..
— Да ты что?
— Крой сюда!
— Там — вода.
— Не беда: наверх, балда!
— Насыпь тут невмочь крута:
Забежать хотел с хвоста...

Наверху железо мрет,
Красный червь вагоны жрет!..
— Вперед-ед!
«Та-тра-та! Тра-тах!
А-а! А-ах! Ах!..»
Наверху хохочет дот!..
— Вперед!
— В душу бога!..
— Майн готт!..¹
— Вперед-ед!

Впереди — взбешенный дот
Бьет! Бьет! Бьет!..

— Ну, горазд! Ну, зевласт!
Ишь ты, чешет! Ишь, дерет!
— Не заткни зубастый рот,
Распрямиться ведь не даст.
Дай-ка бомбу... Мой черед!..

Дуют смертные мехи:
«Ха! Ха! Хха!.. Хи! Ххи! Хи!..
Чух-чух-чух!..
Свицы! Свицы-свицы!..» —
Жизны! Жизны! Жизны!..
И наконец-то: «Уу-ух!..»

— Подавился, кажись?
— Да, похоже, что готов.
— Вперед!
Лишь молчат обнявшись,
Будто двое сватов,
Федосей и дот...

Может, скажет про меня
Друг, не нюхавший огня:
«Ваши деды — простота,
Это музыка не та:
Новой жизни не сестра».

Говори не говори —
В ней восход твоей зари.
Мой читатель дорогой,
Для тебя мы так — собой.
Жаль, не до речей с тобой:
На железке — бой!

Двести первая верста.
На версту — клыки костра!
И не явь, и не сон,

¹ Мой бог — (немецкое).

Кому дело, кому жуть:
Храп и стон!
Грудь на грудь!
Черный крик! Красный дождь!
И в последний в жизни — дрожь!..
«На-на-на! Так-так!..»
Расцветает лютый мак!..
— Ванька-а!.. Ваня! Как же так!..

Скрежет, хряск,
Визг, лязг!
Не взыщите, битте¹, с нас,
Нам сегодня не до ласк!
Нету ласк, зато уж яств
Не жалели мы про вас:
Никого ни темный час,
Ни ременный бог не спас!

Арифметика проста:
Двести первая верста,
Ни вагонов, ни моста,
Триста сорок два креста,
Паровоз без колес
Укатился под откос,
Рваным брюхом в землю врос!..

И над прахом в полный рост
Встанут, нет ли — двадцать звезд,
Неугасных двадцать звезд!
Им светить, не заходить —
Жить! Жить! Жить!

Двести первая верста,
Тихие мои места!

¹ Пожалуйста — (немецкое).

6. Рассвет

— Скололись овчарки. Отстал немчура.
Нема, как могила, гарь...
— Не помнишь, вчера иль позавчера
Мы съели последний сухарь?
— Не помню.
— Курнуть бы!
— Тю-тю самосад.
Привстань, понапрасну лег!..

Над черным пожарищем льется закат,
Сочится, каплет в лог.
И с каждой крохой, оброненной вниз,
Плотней, клыкастей леса карниз,
Бескровней высь,
Холоднее жизнь.

Все глубже, круче, немей окоем.
И мы вдвоем тут. Только вдвоем.
Вдвоем. Вдвоем.
А двадцать наших — где дот вверх дном,
Где рельсы, будто бы лыко, — узлом,
Где обороченный в реку мост
В лохмотьях железа, руки вразброс...

Свербит осколок в груди у меня,
У друга — навылет плечо!
Пять километров за три дня!
До наших — тридцать еще.

А ночь притаилась, вперилась в нас,
Придавила синюющей пятой.
И звезда за спиной, как волчий глаз,
Перемигивается с темнотой...

— Найти бы коня!..

— Держись за меня.

Подумать только, ведь этот лес
Наш! Наш! Наш!

— Ракета!..

Озnob под рубаху полёз:
Перед нами — горбатый блиндаж

Оскалился: вот-вот метнет огонь,
Выжмет последний стон.
Ржавый наган впаялся в ладонь.
И на всех — один патрон.

Сейчас бы кротом зарываться в песок,
Зайцем в кусты сигать!
Но липнет пепел, жжет висок
Твой, твой! Безутешная мать!

И в глине не просто следы колес,
А раны тяжкие, брат,
Раны земли, дорогой до слез,
Где каждый пёнушек свят!

Где все — от холмика под крестом,
Может, до звездных вершин,
От любви до ненависти — твой дом,
Оратай, солдат, сын!

Гляди: пантеры, тигры, орлы
Когтят святыню святыни!..
Довольно, довольно ее золы!
Робкое сердце, застынь!..

Я горькое видел: как брат седел,
Седел — ровно в двадцать лет.

Я страшное видел: мужчина глядел,
Глядел — горше взгляда нет!

Потом затрясся: не спрячешь слез,
Нету на нем лица...

А помню: с сухими глазами нес
Повешенного отца.

И знаю: на танк со связкой гранат
Ходил он один на один!..
— Врешь, не от страха я плачу, гад,—
От страшного гнева в груди!
Ну погоди!..

Обернулся, шепчет: — Двигайся, друг!
Умирать нам никак недосуг:
Две пары живых жилистых рук —
Скольким вражинам каюк!..

Сгорела ракета. Другой черноты
Не бывает на свете черней!
И мы обдираем опять животы
И ребра о ребра корней...

Aх, летняя ночь, тихая ночь,
Короткая, как ты длинна!
Не завораживай, не морочь,
Не страшай покоем до дна.

Не опоздает никто умереть
На этой горькой земле.
Дозволь подышать, дай погореть,
Погоревать во мгле

О ясном солнце погоревать,
Послушать птиц по-виднú,

Хоть зорьку одну позоревать,
Песню спеть хоть одну.

О ноченька-ночь, зажги рассвет,
Чтоб по солнцу нам править путь.
Ведь нам еще только по двадцать лет.
Зажги, милосердной будь!

Разве мало тебе тех двадцати,
Что взяла ты в кромешный час?
Холодный туман свой не цеди:
Ни тепла, ни крови у нас!..

А ночь все темней, темней, темней.
Осатанела роса.
А метры — длинней, длинней, длинней.
А травы ползут в глаза.

И кажется: близко-близко до звезд —
Колет пальцы от их лучей:
Но вдарил, защекотал дрозд,
Мурлычет веселый ручей!

И вдруг разбуженные, мы враз
Распрямились, приподнялись:
Заря молодая манит нас —
Живи! Люби! Дивись!

— Да, — отозвался приятель, — жизнь.
Разве убьешь ее!
Мы еще так заживем — держись.
Глянь-ка, цветет, поет!

Все мы пройдем, все осилим, поверь,
Как бы ни привелось!..
Вот бы слетать в Красуху теперь:
Дома покос небось!

Взять бы косилку да пару коней,
Гнать бы за рядом ряд!
Воздух-то, воздух — браги хмельней!
Травы — вспугни — вспарят!

Травы, как жаворонки, эвонкий,
Цвётень — как любой смех!
Встать бы да с солнцем вперегонки
Посенокосить! Эх!

Мне бы!.. —
Запнулся и брови свел,
Ловит в ладонь росу...
Солнечным веником ночь подмел
Хлопотливый июль в лесу.

Выискрил травы июль-светолюб,
Выморщил гладь воды...
Сорвался стон у товарища с губ.
— Дружище, что с тобой? Ты?!

Не за тем мы тут, чтоб теперь... не за тем.
Ведь сам же сказал, чудак!
А он глядит не так совсем —
Спокойно-спокойно так.

И губы не говорят — шелестят,
Шуршат, как береста, сухи:
— Пускай отомстят!.. Пускай простят,
Если какие грехи...

В кармане трут и полсухаря.
Размотай... сгодятся бинты.
Патрон я сберег: убьешь глухаря...
— Братания! Что ты! Ты!..

Не оставляй меня одного!
Подожди!.. Не надо!.. Не смей!..
А он глядит. А глаза у него —
Ничего не видал синей!

Что для матери значит
Эта крохотка-горка?
Знает только и плачет
Со мною лишь зорька.

7. Песня

Желт песок у дубочка,
Сыр песок под корнями...
Песни первая строчка
В окровавленной яме!..

В желт песок у дубочка
Опрокинулась стежка...
Мать молит за сыночка:
— Алексеяка, Алешка!..

Еще рыть мне до ночи
Могилу руками...
Тихи матери очи,
А на душеньке — камень:

Нет тяжёле и горше,
Холодней и горючей...
Еще долгого дольше
Молчать мне под кручей.

Горевальное слово,
Победную песню
Глубоко и сурово
Глушить густолесью.

И не раз, не разочек
Мне вставать и валиться,
Пока свежий холмочек
У горы зажелится.

Не сейчас ножевое
Известие грянет.
Что ж тебя, ретивое,
До срока туманит?

Сердце чует-вещает,
Хоть незнамо откуда,
Замирает, страшает:
С кровинушкой худо!

Сердце — вещая птица,
Ах ты, чуткая птаха!..
Как мне будет явиться
С вестью страшной, как плаха?!

Как мне встать на пороге
Против кроткого взгляда?
Как мне броситься в ноги
И сказать: ждать не надо?!

Как свершу я, о матерь,
Это черное дело?!

В горевый твоей хате
Без того наболело.

Не вернется хозяин...
Ни буренки, ни хлеба.
Все повыкогтил кайн
От хлева до неба.

8. Зов

Только верю я, мама,—
Ведь и сам не безродный:
Глянешь в душу мне прямо
С маятой безысходной

И меня не осудишь
Скупыми речами,
Не прибьешь, не остыдишь
Святыми очами,

И, до капли тоскуя,
Ты не спросишь ответа...
Не безродный, пойму я,
И приму я все это.

Мать сыночка ростила,
Заслоняла от горя,
Над качелью пролила
Слез да песен два моря;

Мать сынишку взрастила.
Поседела, устала:
Что деньков отгрустила,
Что ночей недоспала.

Но лучилась: — Семнадцать!
Дождалась, дотерпелась.
Только б в дело впряженяться!..
Да война разгорелась!

Запожарила люто
По бездождному лету!..
Ах как жаль, что покуда
С войны спросу нету!

Люди добрые, молодь и старики,
Пришедшие после огня и прошедшие
сквозь,

Приходите в июлях на берег реки!
Понимаете? Сердце отзвалось.
Оно обязано отзываться у вас.
Дело не в бывшем, а в том, быть
или нет?
Слышите: бьет? Это его приказ!
Приходите, люди, уже рассвет!

Постойте посреди железных путей,
Поклонитесь на все четыре стороны
двадцать раз у моста,
И помяните двадцатерых людей,
У которых совесть совсем-совсем
чиста.

Помолчите у вечно бегущей воды...
Кто там разгоревался навзрыд?
Не надо слез. Роняйте цветы.
Видите, сколько их на откосе горит!..

А потом — пять километров всего,
Пять километров не поленись
пройти.
Побратима проведайте моего
В его коротком, в его бесконечном
пути.

Пять километров — на час ходьбы.
Ни блиндажа, ни золы кругом,

Ни колючей заржавленной городьбы —
Все похоронено молодым сосняком.

На здоровье дышите! И петь
не запрет,
Если поется,— свои края!
Ни угрюминки перед вами нет—
Только ликуют кукушки, зяблики
да хвоя!

Только красную дрему золотые шмели
Целуют взасос, прогинают вниз,
Да тянет тихим теплом от земли:
Люби, живи, дивись!

Загляделись? Ничего, бывает—
не спех,

Не осерчает друг: он терпелив
до дна.
Сыплет по мягким иголкам солнечный
смех.

У Жизни — две жизни,
А смерть в меньшинстве — одна!..

А вот и взлобок. И дуб желудями
унизан весь.

Вслушайтесь, вслушайтесь! Нет,
не в дроздиный гам.
Слышите? Слышите? В таволге —
весты!

Это ручей, это он — вам.

Это он песню поет про зачатье
давнейшего дня,
Про последний вздох, про желтый
песок сырой,

Про человека, отведшего смерть
от меня.

Видите холмик? Вот тут он спит
под горой.

И еще он поет о той, которая
есть ли теперь, нет,
Которой о нас горевать и вечно
не умирать,—
О женщине, проторившей в это тихое
место след.
Запомните имя ее: Мать!

Помолчите у вечно бегущей воды...
Кто там разгоревался навзрыд?
Не надо слез. Роняйте цветы.
Видите, сколько их на поляне горит?

Так надо не тем, которые спят,—
Они не ради этого полегли.
Это надо для сущих и для грядущих
внучат —

Незастрахованных граждан
огнеопасной земли!

1943—1964,
Псковщина—Белоруссия—Ленинград

Радость до краев

Победа	57
И гомон, и щебет, и вереск...	59
Под звездами	61
Сентябринцы	62
Черный хлеб	63
И не гулко, и не тихо...	65
Сын	67
Неотыгранное детство...	69
Побратимы	72

СОДЕРЖАНИЕ

Владислав Шошин. Распахнутое сердце	5
---	---

Отбоя не будет сегодня

Жажда	11
Отвальная ода	13
Отъярилось гулкогрозье...	15
Отбоя не будет сегодня	16
Одна, как сердце	18
Косовица	20
Увольненье, увольненье...	22
Буйство	24
Дорогое	26
Над Ледянкой	28
Мое почтенье	31
Береги заземление	33

На своих плечах

Реквием	37
Набат	39
Верность	41
Партизаны	43
Мы идем	45
Переход	47
Один	49
За проходной	51
1. Синица	—
2. Крещенье зарей	52
Разговор с Землей	54

Огонь на себя (поэма)

1. Напутствие	77
2. Алекса	79
3. Дорога	81
4. Железка	88
5. Именины	93
6. Рассвет	97
7. Песня	102
8. Зов	105

В 1964 году
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЫПУСТИЛО В СВЕТ
ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ:

Баренц С. К. Под небом журавлиным.
Гарнакерьян А. Г. Сердце в разведке.
Глотов В. И. Карпатские зори.
Горбунов М. Н. В отблесках молний.
Гришаев В. Н. Костры на дорогах.
Дубровин Б. С. Сердца, неведомые миру.
Захаров Я. И. В гарнизоне ракетном.
Землянский А. Ф. Это живет во мне.
Малков В. Е. Сосны шумят.
Матусовский М. Л. Не забывай.
Симонов К. М. Три тетради.
Софронов А. В. Бессмертник.
Сурков А. А. Смелого пуля боится.
Осинин В. С. Второе свидание.
Федотовских М. В. Запах неба.
Шамов И. В. Всегда в полете.

Игорь Николаевич Григорьев
СЕРДЦЕ И МЕЧ
М., Воениздат, 1965, 112 с. + 1 вкл.

Редактор Букин Н. И.
Художник Абакумов Н. А.
Художественный редактор Гречихо Г. В.
Технический редактор Каленова М. Н.
Корректор Горелик Ф. М.

Сдано в набор 24.9.64 г. Г-23145. Подписано к печати 8.4.65 г.
Формат бумаги 70×90¹/₂—3¹/₂ печ. л.=4,095 усл. печ. л.+1 вкл.=
=1¹/₁₆ печ. л.=0,074 усл. печ. л.—3,218 уч.-изд. л.
Тираж 10 000. ТП 65 г. № 286
Изд. № 4/6710. Цена 27 коп. Зак. 485.

1-я типография
Военного издательства Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Отзывы об этой книге просим присыпать по адресу: Москва, К-160,
Военное издательство.*